

DOI: 10.31857/S086919080016928-7

ОБ ОДНОЙ ДЕТАЛИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА АНТИЧНОЙ КАБАЛЫ

© 2021

Дж.Т. ЭМИНЛИ^а, Э.А. ИСКЕНДЕРОВ^б

^а – Институт археологии и этнографии НАНА, Баку, Азербайджан
ORCID: 0000-0003-2144-755X; ceminli@mail.ru

^б – Институт археологии и этнографии НАНА, Баку, Азербайджан
ORCID: 0000-0002-8000-1008; emil-iskenderov@mail.ru

Резюме: Статья посвящена рассмотрению и интерпретации своеобразной детали погребального обряда, наблюдаемой на могильниках античного времени в исторической округе Кабалы – столицы Кавказской Албании. Внимание уделено обнаруженным в захоронениях среди погребального инвентаря керамическим сосудам с преднамеренно сделанными отверстиями. Сосуды с отверстиями выявлены в могильниках Узунтала и Гушлар в грунтовых могилах I в. до н.э. – I в. н.э. с погребениями в скорченной позе на боку, а также в катакомбном погребении Сальбира I–III вв. н.э. В погребениях №№ 3–7 Узунтала однотипные сосуды имели отверстия в центре дна и были положены в могилу вверх дном. Подобный обычай наблюдался в грунтовом захоронении в скорченной позе на боку могильника Тепебаши (Шекинский район) того же времени. В погребении № 5 могильника Узунтала и в погребении № 3 могильника Гушлар были найдены вазы с отломанной ножкой и отверстием в дне. В катакомбном захоронении Сальбира I–III вв. н.э. две однотипные вазы имели крупные отверстия на боку корпуса. Указанная деталь погребального обряда, носящая специфический характер, эпизодически прослеживается на территории Азербайджана уже с эпохи бронзы и продолжала существовать вплоть до эпохи поздней античности. Эта деталь погребального обряда Кавказской Албании находит аналоги в погребальных памятниках Дагестана этого и более позднего времени и позволяет говорить о существовании ритуала, который проводился во время погребальной церемонии и отражал какие-то религиозные представления, связанные с похоронной идеологией. Авторы статьи полагают, эти сосуды должны были, по бытовавшим верованиям, служить для «исхода души» покойного и не имеют связи с обычаем порчи инвентаря. При этом не исключается возможность захоронения в этих сосудах органа тела покойника, связанного в религиозных представлениях древнего населения с человеческой душой (сердце, печень, глаза?) или воплощавшего ее.

Ключевые слова: Кавказская Албания, Кабала, погребальный обряд, сосуды с отверстиями.

Для цитирования: Эминли Дж.Т., Искендеров Э.А. Об одной детали погребального обряда античной Кабалы. *Восток (Oriens)*. 2021. № 5. С. 49–58. DOI: 10.31857/S086919080016928-7

ABOUT ONE DETAIL OF FUNERAL RITE OF ANCIENT QABALA

© 2021

Jeyhun T. EMINLI^a, Emil A. ISKENDEROV^b

^a – Institute of Archaeology and Ethnography,
Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Azerbaijan
ORCID: 0000-0003-2144-755X; ceminli@mail.ru

^b – Institute of Archaeology and Ethnography,
Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Azerbaijan
ORCID: 0000-0002-8000-1008; emil-iskenderov@mail.ru

Abstract: *This article is devoted to the consideration and interpretation of a peculiar detail of the funeral rite observed at the cemeteries of ancient period in the historical region of Qabala – the capital of Caucasian Albania. Attention is focused on ceramic vessels with intentionally made holes, which were revealed in the burials among the grave goods. The vessels with holes were found in the ground burials of Uzuntala and Gushlar cemeteries of the 1st century BCE – 1st century CE, along with skeletons in a contracted position on their sides; as well as in the catacomb burial of Salbir, dating to the 1st–3rd centuries CE. In burials nos. 3–7 of Uzuntala, vessels of this type had holes in the center of their bases, and were placed upside down in the grave. In the catacomb burial of Salbir, 1st–3rd centuries CE, two vases of the same type had large holes on the side of the body. The specific detail of the funeral rite, which is of a particular nature, has been episodically traced in the territory of Azerbaijan since the Bronze Age and continued to exist until the Late Antique period. It allows us to talk of the existence of a ritual that was carried out during the funeral ceremony and reflected some religious ideas associated with the funeral ideology. The authors of the paper suppose that these vessels should, according to prevailing beliefs, symbolize the “exodus of the soul” of the deceased and have no connection with the custom of damage to the inventory.*

Keywords: Caucasian Albania, Qabala, burial rite, vessels with hole.

For citation: Eminli J.T., Iskenderov E.A. About One Detail of the Funeral Rite of Ancient Qabala. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 5. Pp. 49–58. DOI: 10.31857/S086919080016928-7

Как известно, столицей Кавказской Албании до раннего средневековья (до второй пол. V в. н.э.) являлся город Кабала, который Плиний Старший называет «*praevalent oppida Alabaniae Cabalaca*» – «первенствующий (главный) город Албании Кабалака» [Plin. NH. VI. 29]. Остатки античного городища Кабалы расположены вблизи современного села Чухур Кабала (азерб. Çuxur Qəbələ), где с 1967 г. ведутся стационарные археологические исследования [Бабаев, 1990, с. 19], особенно активизировавшиеся с 2006 г. [Babayev, 2012, p. 81–102].

В результате многолетних археологических исследований, проводимых на территории античного городища Кабалы и в его исторической округе, было исследовано несколько могильников с разнотипными захоронениями (рис. 1)¹. Здесь были выявлены грунтовые, кувшинные, ванночные и катакомбные погребения, датируемые последними веками до н.э. – первыми веками н.э. Такое многообразие погребальных сооружений, очевидно, объясняется, с одной стороны, различиями в религиозно-идеологических представлениях (погребальной идеологии) населения этой зоны, с другой, его этническим разнообразием.

¹ Рисунок 1–5 находятся на цветной вклейке.

При этом необходимо учитывать и иные факторы, а именно: половозрастной, социально-статусный и др.

Несмотря на различия в такой ведущей черте погребальной обрядности, как погребальная конструкция, для различных типов захоронений характерны и объединяющие их общие черты обряда. К таковым, в частности, можно отнести положение умершего скорченно на правом или левом боку, сходство в погребальном инвентаре, использование в похоронном ритуале огня, заклинание жертвенного животного, совершение поминальной тризны, обозначающие общие близкие, общие религиозные верования, связанные с похоронно-погребальными обычаями. Вместе с тем в отдельных захоронениях наблюдаются своеобразные детали погребальной обрядности, которые не получили повсеместного распространения, но отражают определенные религиозные представления, которые не всегда удается установить. Одной из таких редко встречающихся деталей погребального обряда является положение в могилу вместе с другим инвентарем керамических сосудов с преднамеренно пробитыми отверстиями, которые делались на корпусе или дне сосуда.

Указанный обычай устройства в сосуде сквозного отверстия был прослежен, в частности, в нескольких погребениях могильника Узунтала, расположенного близ с. Солтаннуха, в 3,5 км к СВ от античного городища Кабалы. Отметим, что Узунтала (в пер. с азерб. – «Длинная поляна») – низменная удлинённая местность, охватывающая значительную территорию и ограниченная с востока и запада лощинами и оросительными каналами. Еще в 1980-х гг. на этой территории проводились археологические раскопки, в результате которых были найдены база колон и кровельная черепица античного периода, а также расчищено одно грунтовое погребение [Qədirov, 1981, с. 15–34]. После долгого перерыва на могильнике в 2009 г. вновь были проведены раскопки, в ходе которых было расчищено два погребения [Искендеров, 2010, с. 41–46]. Кроме этого, тогда же при проведении оросительного канала здесь был найден бронзовый шлем, очевидно, происходящий из разрушенной могилы, что вызвало интерес к проведению дальнейших исследований на могильнике. Заметим, что аналогичный шлем был найден в 1965 г. в районе г. Ахсу [Османов, 1972, с. 71–75; 1982, с. 139, табл. VI; Osmanov, 2006, s. 8].

Однако раскопки на могильнике вновь были возобновлены только в 2014 г. и тогда здесь было вскрыто семь погребений, совершенных в грунтовых ямах [Eminli, Iskandarov, 2016, p. 105–113]. Три из них были парные, остальные одиночные. На основе анализа погребального инвентаря выявленные захоронения могильника были датированы I в. до н.э. – I в. н.э.

Интересующие нас сосуды с преднамеренно пробитыми отверстиями в могильнике Узунтала встречены в погребениях №№ 3, 4, 5, 6 и 7. Приведем краткую характеристику этих погребений.

Погребение № 3 (рис. 2, 1) представляло обширную грунтовую яму размерами 1,9×3,5 м, следов перекрытия которой обнаружено не было. В могиле было совершено парное захоронение – основное и сопровождающее погребения. Причем, основное захоронение принадлежало ребенку в возрасте 9–11 лет, скелет которого находился в скорченном положении на правом боку, головой на СЗ. В северной части погребальной камеры находился еще один скелет подростка в возрасте 12–15 лет, положенный в той же позе скорченно на правом боку, но головой на ЮВ так, что оба захоронения почти были обращены головами друг к другу. Погребальный инвентарь второго захоронения состоял только из одной бронзовой изогнутой булавки, тогда как основное детское захоронение выделялось относительным богатством и многочисленностью погребального инвентаря, включавшего разнообразную керамическую посуду, железный наконечник копья, серповидный железный нож, стеклянные бусы, бронзовые гривны, браслеты и кольца. В могильной яме прослеживались следы ритуала, связанного с огнем. В ногах основного захоронения располагались остатки скеле-

тов четырех жертвенных овец. Отдельные кости животных имелись внутри сосудов, под и между сосудами. Керамические сосуды были уложены в погребение без какой-либо системности, они были сконцентрированы к СЗ и ЮЗ от скелета ребенка, т.е. в изголовье и так, что погребенный был как бы обращен к посуде с напутственной пищей. В погребальную камеру всего было уставлено 36 сосудов, в том числе 13 – светлого обжига и 23 – темного обжига. Один из сосудов был поставлен в 35 см от лицевых костей ребенка – он лежал вверх дном, в центре которого имелось преднамеренно сделанное узкое отверстие. Именно наличие отверстия на дне сосуда диктовало положение сосуда. Сосуд горшковидной формы, одноручный (ручка была отломана в древности), широкоустный [Eminli, Iskandarov, 2016, p. 107–109] (рис. 6, 1). Отверстие в сосуде было сделано, очевидно, непосредственно перед установлением его в могилу.

Погребение № 4 также представляло захоронение в крупной грунтовой яме, границы которой проследить не удалось, но, судя по расположению погребального инвентаря, она имела размеры около 1,2×2,8 м. Сохранность скелета была неудовлетворительной, но по сохранившимся *in situ* отдельным костям, можно считать, что умерший ребенок (пол и возраст не установлены) был уложен в скорченном положении на правом боку, головой на СЗ. Как и в погребении № 3, керамические сосуды светлого и темного обжига были установлены перед погребенным и в изголовье. Погребальный инвентарь состоял из 35 керамических сосудов и каменной ступки. Внутри сосудов и между ними на уровне пола камеры имелись различные кости мелкого рогатого скота. Один из сосудов, близкий по форме горшкообразному сосуду из погр. № 3, но меньшего размера, имел отверстие на дне в центре и был положен дном вверх (рис. 6, 2). Рядом с указанным сосудом лежал целый череп животного [Eminli, Iskandarov, 2016, p. 109–110]. Сосуд с отверстием был установлен в центре поставленных в одну линию сосудов параллельно погребенному. Отверстие в сосуде также было сделано, очевидно, в процессе погребального ритуала, как и в погр. № 3.

Погребение № 6 (рис. 2, 2) было осуществлено в яме размерами около 0,9×2,0 м. Скелет подростка (пол и возраст не установлены) находился в скорченном положении на правом боку, головой на СЗ (рис. 2, 2). Керамические сосуды, также светлого и темного обжига, были бессистемно установлены перед погребенным, в изголовье и в ногах. Здесь также внутри сосудов и между ними на уровне пола камеры были обнаружены различные кости мелкого рогатого скота. В западной части погребения под скоплением керамических сосудов было зафиксировано скопление костей животных, т.е. сосуды были уложены в могилу поверх напутственной (или жертвенной) мясной пищи. В ногах погребенного также был установлен вверх дном одноручный кувшин с высоким широким горлом (рис. 6, 3), и также имевший отверстие в центре дна [Eminli, Iskandarov, 2016, p. 111–112].

Погребение № 7 представляло захоронение в узкой яме размерами 0,4×1,3 м, вытянутой по направлению СЗ–ЮВ. Несмотря на неудовлетворительную сохранность детского скелета, определено, что ребенок был положен в слабо скорченной позе на правом боку, головой на СЗ. Погребальный инвентарь состоял из 8 различных керамических сосудов. У юго-восточной поперечной стенки камеры был положен горловиной вниз керамический сосуд (рис. 6, 4) с отверстием в центре дна [Eminli, Iskandarov, 2016, p. 112–113], почти аналогичный сосуду из погр. № 4.

Таким образом, в четырех погребениях из семи могильника Узунтала были обнаружены сосуды, поставленные дном вверх и с отверстием в центре дна. Обращает внимание, что все захоронения осуществлены по единому (несмотря на мелкие различия) погребальному обряду в грунтовых ямах, в скорченном положении на правом боку, с ориентацией головой на СЗ, и все они принадлежат подросткам, вероятно, еще не прошедшим обряд инициации, не перешедшим в новую социально-возрастную категорию. Отметим, что захоронения в

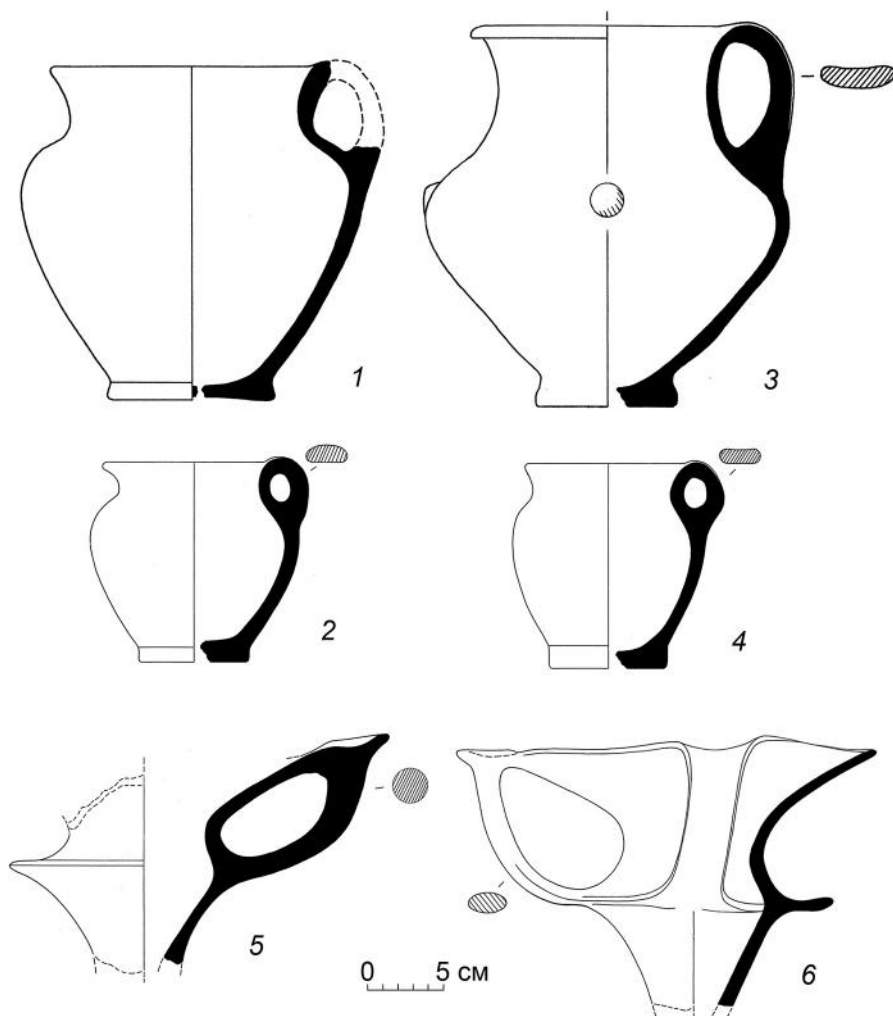

Рис. 6. Сосуды с отверстиями: 1 – Q.S.N.2014. No.12, Узунтала, погр. № 3; 2 – Q.S.N.2014. No.93, Узунтала, погр. № 4; 3 – Q.S.N.2014. No.125, Узунтала, погр. № 6; 4 – Q.S.N.2014. No.147, Узунтала, погр. № 7; 5 – Q.S.N.2014. No.103, Узунтала, погр. № 5; 6 – inv. No. 35, Гушлар, погр. № 3.

Fig. 6. The vessels with holes: 1 – Q.S.N.2014. No.12, Uzuntala, burial No. 3; 2 – Q.S.N.2014. No.93, Uzuntala, burial No. 4; 3 – Q.S.N.2014. No.125, Uzuntala, burial No. 6; 4 – Q.S.N.2014. No.147, Uzuntala, burial No. 7; 5 – Q.S.N.2014. No.103, Uzuntala, burial No. 5; 6 – inv. No.35, Gushlar, burial No. 3.

ямах в скорченном положении на боку – характерный и распространенный обряд погребений в Кавказской Албании античного времени.

По имеющимся на сегодня данным, трудно судить об ареале и степени распространения отмеченной выше детали погребальной обрядности на территории Кавказской Албании. Кроме Кабалы этот обряд был зафиксирован в Шекинской зоне, т.е. в соседней с Кабалой исторической области Кавказской Албании [Muxtarov, 2014, s. 6–7]. Здесь в 2014 г. во время раскопок на могильнике Тепебаши, расположенном близ сел. Фазыл, было исследовано грунтовое погребение, датируемое I в. до н.э. – I в. н.э., аналогичное по обрядности захо-

ронениям могильника Узунтала – погребенный был похоронен в яме, в скорченной позе на правом боку, головой на СЗ. В состав погребального инвентаря входили пять керамических сосудов и фрагменты железного наконечника копья. Четыре сосуда располагались у колен и в ногах погребенного, а один сосуд был установлен напротив лица (лицевых костей) умершего дном вверх и имел отверстие в центре дна (рис. 5). Таким образом, мы наблюдаем полное повторение обрядности, прослеженной в могильнике Узунтала.

В могильниках Кабалы встречаются и другие вариации этого обычая. В частности, в некоторых случаях отверстие было не перфорировано, а пробито и сделано сломом. Следует отметить, что сосуды с такой вариацией обычая, отличаются по форме от сосудов вышеперассмотренных погребений.

Эта вариация наблюдается в том же могильнике Узунтала, в грунтовом погребении № 5, в котором сосуд в форме широкоустной вазы, нижняя часть которого в древности отломана, образуя отверстие, был поставлен вверх дном [Eminli, Iskandarov, 2016, p. 110], (рис. 3, 1; 6, 5). Также в могильнике близ сел. Гушлар в 8 км к ЮЗ от Чухур-Кабалы в грунтовой могиле в яме, в которой взрослый погребенный был захоронен в скорченном положении на правом боку, головой на запад, в сопровождении нескольких керамических сосудов и железного кинжала с кольцевым навершием, один из сосудов – двуручная широкоустная ваза, положенная на боку в изголовье – имел отбитое основание с образовавшимся вследствие поломки отверстием [Eminli, Iskandarov, 2017, p. 159–160] (рис. 3, 2; 6, 6).

Сосуды с пробитыми отверстиями на корпусе были обнаружены в катакомбном погребении, выявленном при работах в северной части городище Кабала, именуемой Сальбир, территория которой обживалась в I–XI вв. [Seonbok et al., 2015, p. 62]. Само катакомбное погребение датируется I–III вв. В погребальной камере полностью отсутствовали остатки скелета. Погребальный инвентарь состоял в основном из керамических сосудов, среди которых особое внимание привлекают два почти аналогичных по форме сосуда – характерные для указанного времени двуручные вазы на высокой узкой ножке с широким основанием с раздутым корпусом и раструбовидным широкоустным горлом. В отличие от других сосудов, которые были поставлены вертикально на полу камеры, эти вазы были уложены на боку в горизонтальном положении рядом друг с другом. На корпусе обоих сосудов в месте наибольшего расширения тулова имелись крупные отверстия, пробитые каким-то орудием (рис. 4).

Приведенные материалы свидетельствуют о существовании на территории Кавказской Албании в античный период обычая проделывания отверстия в отдельных керамических сосудах, входящих в состав погребального инвентаря. Причем, в одних случаях мы наблюдаем пробивание отверстия каким-то предметом, в других – просверливание отверстия. Также, на основании данных могильника Узунтала, в котором этот обычай наблюдался в 4 из 7 погребений, мы можем, несмотря на небольшую выборку, говорить об определенной распространенности этого обычая, его систематической встречаемости, приобретающей признак характерной детали погребального обряда в захоронениях подростков. Обращает внимание и то, что в каждом из таких погребений представлен один сосуд с отверстием, несмотря на относительно большое количество керамической посуды в том или ином захоронении. Другая черта, связанная с данной категорией сосудов, это установка сосудов с просверленными отверстиями вверх дном, а сосудов с пробитыми или сделанными в результате специальной поломки отверстиями на боку.

Приведенные материалы позволяют говорить о существовании ритуала, проводимого в процессе похоронно-погребальной обрядности и имеющего в своей основе какие-то религиозные представления, связанные с погребальной идеологией. Но какова смысловая нагрузка этой обрядности, что именно символизировало наличие в погребениях таких сосудов с отверстиями, какие религиозные верования отражал этот обычай?

Сосуды с отверстиями изредка встречаются в погребальных памятниках Азербайджана эпохи бронзы [Hüseynov, 2009, s. 5, 13; Ибрагимли, 2015, с. 50] и последующих эпох. Но особенно важны данные по синхронным объектам на сопредельных территориях.

Керамические сосуды с отверстиями эпизодически встречаются в памятниках Дагестана албано-сарматского периода (III в. до н.э. – IV в. н.э.) [Бакушев, 2005, с. 42–50; 2008, с. 130–141], в том числе его южной части, очевидно, входившей в состав Кавказской Албании. Ритуальный амфоровидный двуручный чернолощенный сосуд с крупным округлым отверстием на сферическом тулове был обнаружен в погр. № 13 Таркинского могильника первых веков н.э. – он находился в ногах скелета вместе с девятью другими сосудами [Крупнов, 1951, с. 219]. Рядом с погребением № 2 II–I вв. до н.э. Хабадинского могильника был найден кувшин-ойнохоя, лежавший на жертвеннике, с пробитым на тулове прямоугольным отверстием, сделанным, видимо, ударом ножа или кинжала [Бакушев, 2005, с. 42, 50, рис. 1, 12]. В предгорной зоне Южного Дагестана, памятники которого тяготеют к памятникам Северо-восточного Азербайджана, также обнаружены керамические сосуды с отверстиями, входившие в состав погребального инвентаря: в погребении № 4 Сиртичского могильника рубежа эр найден сосуд с отверстием на дне, а в погребении № 72 последних веков до н.э. Шаракурнского могильника – кувшинчик-поильник с трубчатой ручкой с пробитым отверстием на тулове [Бакушев, 2005, с. 42–44, рис. 1, 11; 2008, с. 132–133]. В ямном одиночном захоронении Хучнинского могильника, датированном первыми веками н.э., среди различного погребального инвентаря также был представлен серолощенный кувшин с пробитым на тулове отверстием (информация проф. М.С. Гаджиева; см.: [Гаджиев, 1986, с. 79, 89, прим. 64]). В грунтовых ямных погребениях №№ 1 и 6 Дербентского могильника рубежа III–IV вв. также были найдены кувшины с пробитыми заостренным предметом маленькими отверстиями [Кудрявцев, Гаджиев, 1991, с. 89, 107, 109, рис. 2, 2, 16, 4]. Встречаются такие сосуды с отверстиями и в погребениях Дагестана IV–V вв. [Бакушев, 2005, с. 44; 2008, с. 133].

Таким образом, приведенные данные указывают на наличие этой детали погребального обряда в памятниках Дагестана албано-сарматского и гуннского времени. Факты находок керамических сосудов с пробитыми отверстиями на территории Дагестана рассматривались исследователями в контексте выявленного обычая ритуальной порчи предметов погребального инвентаря, который имел распространение у многих народов Евразии, в т.ч. Кавказа. Ритуальной порче подвергались различные предметы погребального инвентаря – керамика, оружие, украшения и др. М.А. Бакушев, который посвятил специальную статью и отдельный параграф книги обычая порчи инвентаря в дагестанских памятниках указанного времени [Бакушев, 2005, с. 42–50; 2008, с. 130–141], также привел и некоторые сравнительные материалы с территории Азербайджана. В частности, он сослался на мнение К.Г. Алиев, который говоря о религиозных представлениях населения Кавказской Албании, отмечал, что «пробиваемые небольшие отверстия в кувшинах в момент захоронения были результатом представлений о беспрепятственном выходе духа умершего из погребения» [Алиев, 1974, с. 342]. Почему-то М.А. Бакушев посчитал, что речь идет о сосудах из грунтовых погребений Албании [Бакушев, 2005, с. 46; 2008, с. 137], тогда как К.Г. Алиев имел в виду не кувшины, положенные в могилу вместе с прочим погребальным инвентарем, а собственно погребальные кувшины, т.е. захоронения в больших пифосах-*кюпах* или, как их именуют, кувшинные погребения – ниже по тексту он отмечал, что для «исхода души» «на верхней стороне уложенного на бок погребального кувшина пробивалось небольшое отверстие, прикрываемое осколком керамического изделия» [Алиев, 1974, с. 344].

Отверстия, пробитые в погребальных кувшинах, отмечались многими исследователями, которые и давали свою трактовку этой детали погребального обряда. С.М. Казиев при описании мингечаурских могильников отмечал, что в основном кувшинные погребения

с отверстиями характерны для мужских захоронений и связывал их наличие «с каким-то первобытным верованием» [Казиев, 1949, с. 32]. С религиозно-культовыми представлениями связывали эти отверстия в погребальных кувшинах и другие исследователи [Халилов, 1985, с. 79].

Как нам представляется, возможно, в представлениях древнего населения существовала идея исхода души «со стороны ног», ближе к которым и располагались отверстия в кувшинных погребениях. Подтверждением этой идеи может служить, в частности, кувшинное погребение № 3 могильника Нюди, в котором находился полуистлевший скелет ребенка. Детское тело было уложено в погребальный кувшин как обычно в скорченном положении, но головой ко дну, что наблюдается редко. Ближе к месту, где располагались остатки таза и ног погребенного ребенка, и было сделано в сосуде отверстие, что автор раскопок также связывал с религиозными представлениями [Osmanov, 2006, s. 51].

Как представляется, отверстия на керамических сосудах, входивших в состав погребального инвентаря в грунтовых ямных захоронениях, и отверстия на погребальных кувшинах, предназначенных для захоронения умершего, несмотря на различие в предназначении этих сосудов, служили одной идее.

Подводя итоги, отметим, что в числе различных деталей погребальной обрядности населения Кавказской Албании и, в частности, исторической округи Кабалы, наблюдается обычай преднамеренного устройства отверстия (путем сверления, пробивания, слома основания-ножки) в отдельных керамических сосудах. При этом наблюдается некоторая закономерность, на которую обращалось внимание: в частности, сосуды, установленные вверх дном и с просверленным отверстием в центре дна, относятся к одному типу (одно-ручные горшковидные сосуды); сосуды, в которых отверстия делались путем пробивания корпуса или слома основания-ножки, укладывались на бок и относятся к типу ваз на ножках. Обращает внимание, что в погребениях представлено только по одному сосуду с отверстием.

Отверстия во всех сосудах были сделаны после их изготовления и, очевидно, во время похоронно-погребальной церемонии. Как мы полагаем, эти сосуды, как и погребальные кувшины с отверстием, должны были, по верованиям древних, служить для исхода души покойного. Идея исхода «души вещи» [Гаджиев, 1986, с. 85] и связь таких сосудов с обычаями порчи инвентаря, нам представляется не совсем верной. Погребальный инвентарь, в том числе керамическая посуда, укладывался в могилу, по бытовавшим верованиям, с целью их перемещения с погребенным в иной, загробный, потусторонний мир. При этом не проясненным остается вопрос, почему не подвергался порче весь погребальный инвентарь, а только его некоторые категории, отдельные предметы. Другой версией, объясняющей устройство отверстий в некоторых сосудах и к которой мы относимся с настороженностью, может быть идея о том, что эти сосуды предназначались для хранения души умершего, т.е. какого-то органа человеческого тела, связанного в представлениях древнего населения с человеческой душой (сердце, печень или глаза?) или олицетворявшего ее. Обе высказанные нами версии взаимосвязаны.

Рассмотренная интересная и неординарная деталь погребальной обрядности проливает определенный свет на религиозно-идеологические представления, связанные похоронно-погребальными обычаями и ритуалами, и дальнейшее накопление археологического материала, углубленное изучение погребальных памятников позволит нам шире представить духовную культуру и домонотеистические воззрения древнего населения Кавказской Албании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Алиев К.Г. *Кавказская Албания (I в. до н.э. – I в. н.э.)*. Баку: Элм, 1974 [Aliev K.G. *Caucasian Albania. (I cent. BCE – I cent. CE)* Baku: Elm, 1974 (in Russian)].

Бабаев И.А. *Города Кавказской Албании в IV в. до н.э. – III в. н.э.* Баку: Элм, 1990 [Babayev I.A. *Cities of Caucasian Albania in 4th Cent. BCE – 3rd Cent. CE.* Baku: Elm, 1990 (in Russian)].

Бакушев М.А. Обряд порчи инвентаря в погребальных памятниках Дагестана албано-сарматского времени. *Вестник Института истории, археологии и этнографии*. № 3. 2005. С. 42–50 [Bakushev M.A. Rite of Inventory Spoilage in Burial Grounds of Daghestan of the Albanian-Sarmatian period. *Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography*. No. 3. 2005. Pp. 42–50 (in Russian)].

Бакушев М.А. *Погребальный обряд населения Дагестана албано-сарматского времени (III в. до н.э. – IV в. н.э.)*. Ростов-на-Дону: Ростиздат, 2008 [Bakushev M.A. *Funeral Rite of the Population of Daghestan of the Albanian-Sarmatian time (4th Cent. BCE – 3rd Cent. CE.)*. Rostov-on Don: Rostizdat, 2008 (in Russian)].

Гаджиев М.С. Погребальные памятники Южного Дагестана позднеалбанского и раннесредневекового времени (I–VII вв.). *Обряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана*. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1986. С. 71–89. [Gadjiev M.S. Burial Monuments of Southern Daghestan of the Late Albanian and Early Medieval Times (1st-7th Centuries). *Rites and Cults of the Ancient and Medieval Population of Daghestan*. Makhachkala: Daghestan branch of the Academy of sciences of the USSR, 1986. Pp. 71–89 (in Russian)].

Ибрагимли Б. О погребальных памятниках Нахчывана эпохи поздней бронзы и раннего железа. *Azərbaycan arxeologiyası*. № 1. 2015. С. 47–60 [Ibragimli B. On the Burial Grounds of Nakhchivan of the Late Bronze and Early Iron Ages. *Azerbaijan Archaeology*. No. 1. 2015, Pp. 47–60 (in Russian)].

Искендеров Э.А. Античные погребения с. Толы, близ городища Кабалы. *Azərbaycan Arxeologiyası və Etnoqrafiyası*. № 2. 2010. С. 41–46 [Iskenderov E.A. Antique Burials in the Village Tola, Near the Settlement of Cabala. *Azerbaijan Archaeology and Ethnography*. No. 2. 2010. Pp. 41–46 (in Russian)].

Казиев С.М. Археологические раскопки в Мингечауре. *Материальная культура Азербайджана*. Т. I. Баку: Изд-во АН Аз.ССР, 1949. С. 9–49 [Kaziev S.M. Archaeological Excavations in Mingechevir. *Material Culture of Azerbaijan*. Vol. I. Baku: Academy of sciences of Az.SSR, 1949. Pp. 9–49 (in Russian)].

Крупнов Е.И. Новый памятник древних культур Дагестана. *Материалы и исследования по археологии СССР*. № 23. 1951. С. 208–225 [Krupnov E.I. New Monument of Ancient Cultures of Daghestan. *Materials and Studies on Archeology of the USSR*. No. 23. 1951. Pp. 208–225 (In Russian)].

Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. Погребальные памятники Дербента позднеалбанского времени (по материалам раскопа XIV). *Горы и равнины Дагестана в древности и средние века*. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1991. С. 87–115 [Kudriavtsev A.A., Gadjiev M.S. Burial Monuments of Derbent during Late Albanian Time (On the basis of the XIV excavation). *Mountains and plains of Daghestan in Antiquity and the Middle Ages*. Makhachkala: Daghestan branch of the Academy of sciences of the USSR, 1991. Pp. 87–115 (in Russian)].

Османов Ф.Л. Бронзовый шлем, найденный в Ахсуинском районе Азербайджанской ССР. *Доклады АН Азерб. ССР*. XXXVIII.1. 1972. С. 71–75 [Osmanov F.L. A Bronze Helmet Found in the Akhsu Region of the Azerbaijan SSR. *Reports of the Academy of Sciences of Azerbaijan SSR*. XXXVIII.1. 1972. Pp. 71–75 (in Russian)].

Османов Ф.Л. *Гафгаз Албанијасынын мадди мәдәнијјәти (е. э. IV – б.е. III әсрләри)*. Баки: Elm, 1982 [Osmanov F.L. *Material Culture of Caucasian Albania (4th cent. BCE – 3rd cent. C.E.)* Baku: Elm, 1982 (in Azerbaijani)].

Халилов Дж. А. *Материальная культура Кавказской Албании. IV в. до н.э. – III в. н.э.* Баку: Элм, 1985. [Khalilov J.A. *Material Culture of Caucasian Albania. 4th cent. BCE – 3rd cent. C.E.* Baku: Elm, 1985 (in Russian)].

Babayev I.A. The Archaeological Excavation Report of the Ancient Site, Gabala, 2006. *Reports of the Gabala Archaeological Expedition (2005–2010)*. Baku: CBS, 2012. Pp. 81–102.

Eminli J., Iskandarov E. Report on the Archaeological Investigations in the 5th Excavation Area of the Selbir Site and in the Village of Soltannukha, Gabala in 2014. *The Gabala Archaeological Expedition: Reports, Findings 2014*. Baku: CBS, 2016. Pp. 102–127.

Eminli J., Iskandarov E. Report on the Archaeological Investigations in Gabala in 2016 (the 3rd Excavation Area of the Selbir Site, Investigation of the Ancient Burials in the Village of Gushlar). *The Gabala Archaeological Expedition: Reports, Findings 2015–2016*. Baku: CBS, 2017. Pp. 156–171.

Hüseynov M.M. Goranboy Muncuqlutəpə nekropolu. *Azərbaycan Arxeologiyası və Etnoqrafiyası*. 2009. № 1. S. 4–20 [Huseinov M.M. Goranboy Munjuglutapa Necropolis. *Archaeology and Ethnography of Azerbaijan*. 1. 2009. Pp. 4–20 (in Azerbaijani)].

Muxtarov N.M. Şəki Arxeologiya-folklor qrupu və Şəki-Qax-Oğuz arxeoloji ekspedisiyasının 2014-ci ildə gördüyü işlərin Hesabatı. *AMEA Arxeologiya və Etnoqrafiya İnstitutunun Elmi arxivi*. Hesabat 809 [Mukhtarov N.M. Report on the Work of the Sheki Archaeological and Folklore Group and the Sheki-Gakh-Oguz Archaeological Expedition in 2014. *Scientific Archive of the Institute of Archeology and Ethnography, Azerbaijan National Academy of Sciences*. Report 809 (in Azerbaijani)].

Osmanov F. Ağsu ərazisində arxeoloji tədqiqatlar. Bakı: Adiləli nəşriyyatı, 2006 [Osmanov Fazil. *Archaeological Research on the Territory of Agsu*. Baku: Adiləli, 2006 (in Azerbaijani)].

Qədirov F.V. Qəbələ (Səlbir) və onun ətrafında aparılan çöl-tədqiqat işlərinin elmi hesabatı (1981-ci il). *AMEA Arxeologiya və Etnoqrafiya İnstitutunun Elmi arxivi*. Hesabat 249 [Gadirov F.V. Scientific Report on Field Research Carried Out in Qabala (Salbir) and Its Surroundings (in 1981). *Scientific Archive of the Institute of Archeology and Ethnography, Azerbaijan National Academy of Sciences*. Report 249 (in Azerbaijani)].

Yi Seonbok, Kim Jongil, Kwon Ohyoung, Seong Jeongyong. Brief report on the archaeological investigations at the Selbir site, Gabala in 2013. *The Gabala Archaeological Expedition: Reports, Findings 2013*. Baku: CBS, 2015. Pp. 59–73.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЭМИНЛИ Джейхун Тофиг оглы – доктор философии по истории, ведущий научный сотрудник отдела «Античная археология Азербайджана» Института археологии и этнографии НАНА, Баку, Азербайджан.

Jeyhun T. EMINLI, PhD (History), Leading researcher of the Department of “Antique Archaeology of Azerbaijan”, Institute of Archaeology and Ethnography, Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Azerbaijan.

ИСКЕНДЕРОВ Эмиль Алисахиб оглы – доктор философии по истории, ведущий научный сотрудник отдела «Античная археология Азербайджана» Института археологии и этнографии НАНА, Баку, Азербайджан.

Emil A. ISKENDEROV, PhD (History), Leading researcher of the Department of “Antique Archaeology of Azerbaijan”, Institute of Archaeology and Ethnography, Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Azerbaijan.

GABALA REGION. General geographical map

0 10 km

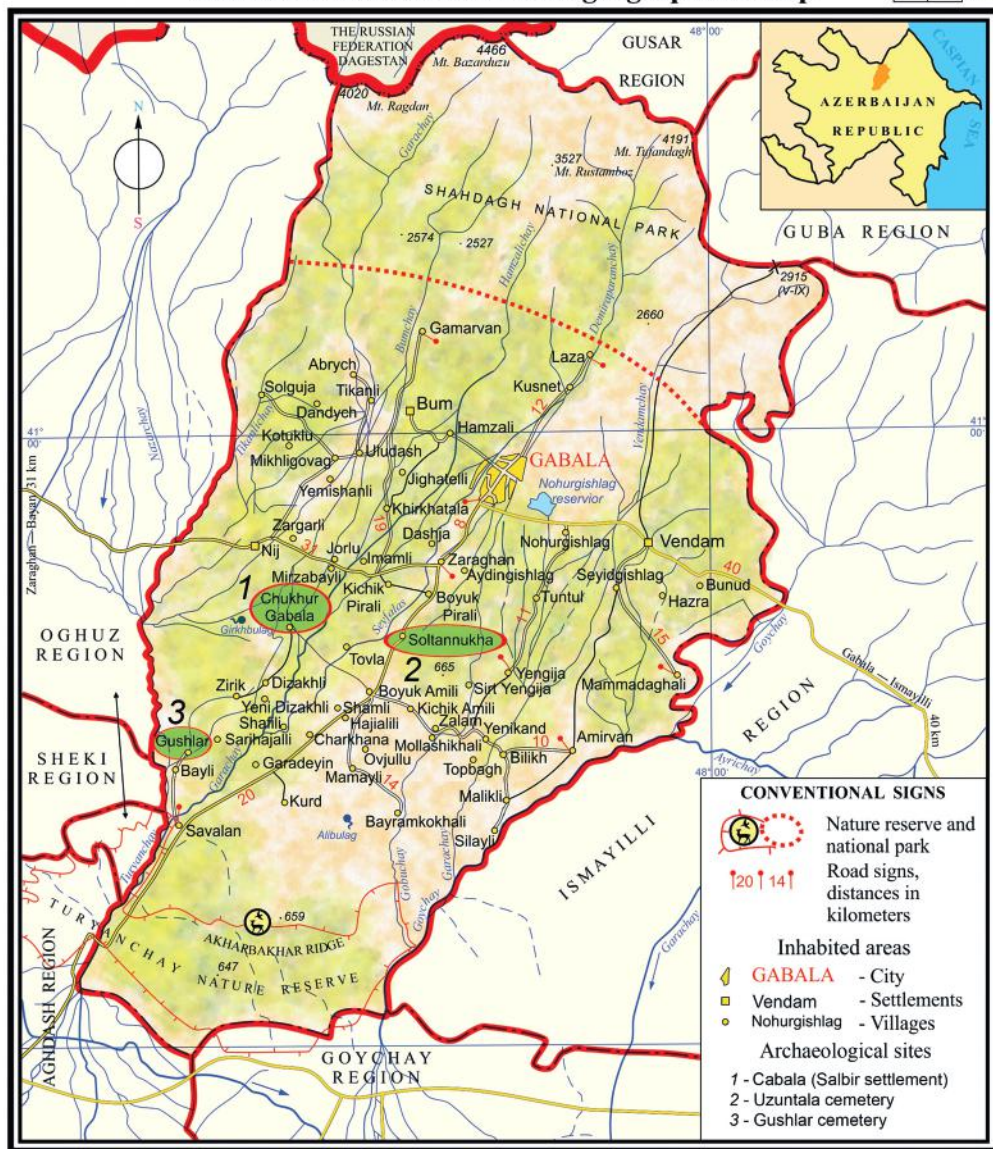

Рис. 1. Карта Габалинского района с обозначением местоположения древней Кабалы (городище Сальбир), могильников Узунтала и Гушлар местами нахождения керамики с отверстиями в могильниках.

Fig. 1. Map of Qabala region with the locations of ancient Cabala (Salbir settlement), Uzuntala and Gushlar cemeteries.

1

2

Рис. 2. Могильник Узунтала. Погребения, содержавшие сосуды с отверстиями:

1 – погребение № 3; 2 – погребение № 6.

Fig. 2. Uzuntala cemetery. Burials with the vessels with holes:

1 – burial No. 3; 2 – burial No. 6.

1

2

Рис. 3. Погребения с сосуды с отверстиями – со сломленными основаниями:
1 – могильник Узунтала, погребение № 5; 2 – могильник Гушлар погребение № 3.

Fig.3. Burials with the vessels with holes – with broken bases:
1 Uzuntala cemetery, burial No. 5; 2 – Gushlar cemetery, burial No. 3.

Рис. 4. Кабала, городище Сальбир Сосуды с пробитыми отверстиями из катакомбного погребения № 1.

Fig.4. Qabala, Salbir settlement. Vessels with punched holes from catacomb burial No. 1.

Рис.5. Могильник Тепебаша, Шекинский район.

Погребение с сосудом с отверстием (фото: Н.М. Мухтаров).

Fig.5. Tepebashi cemetery, Shaki region. Burial with vessel with hole from (photo by N.M. Mukhtarov).